

Липилина Е. Ю.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ НАЧАЛА XXI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА "ДРЕВНЯЯ РУСЬ.
ВОПРОСЫ МЕДИЕВИСТИКИ")**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/44.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 103-105. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

произведения. Под фьордом понимается северный морской залив. Море в поэзии символистов представляет собой стихию, близкую к inferнальному миру. Он изображён в стихотворении через характерные для него атрибуты холода, темноты, скорби: «Хмуро северное небо, / Скорбны плачущие тучи, / С темных скал на воды фьорда / Мрачно смотрит лес могучий» [Там же, с. 19]. «Северное небо», «плачущие тучи», «темные скалы» и, наконец, мрачный могучий лес, который в мифологической традиции скрывает в себе вход в загробное царство, в полной мере для нас характеризуют особенности inferнального мира К. Д. Бальмонта. Эта атмосфера тягостна поэту и поэтому его «душа рвётся прочь и жаждет воли и простора», рвётся навстречу к желанному «миру мечты». Его черты автор рисует в третьем и четвёртом четверостишьях. Inferнальный мир тесен, а «мир мечты» просторен; в одном присутствует мрачный лес - в другом процветают степи, луга и травы душистые. Кроме того, главной достопримечательностью идеального мира поэта, конечно же, становится «колокольчик русской тройки», который отгоняет нечистую силу и охраняет русского человека от всех бед и несчастий.

Логически продолжает духовный поиск поэта стихотворение «Родная картина». В нём автор изображает взаимосвязь трёх миров: небесного, земного и inferнального, каждый из которых мы можем легко узнать по характерным для него атрибутам. О наличии земного мира напоминают «деревенская изба и старый повалившийся плетень возле неё, а также «дороги лента» и «вид унылый придорожного столба». Мир небесный представлен через образ «отуманенного неба», который в поэзии символистов ассоциируется с обманом, потерей чего-либо. Поэт рисует в произведении пасмурный осенний день. Осень бесспорно поэтическое время года, но именно это состояние в полной мере способствует появлению грусти лирического героя об утраченном им когда-то «мире мечты». Следствием этого и является его стремление поскорее уйти из земного мира («...И невольно рвёшься вдаль, / И невольно давит душу / Бесконечная печаль»). Неслучайно в произведении появляется inferнальный мир. О его наличии напоминают характерные атрибуты «полусвета» и «полусумрака». Обстановка этого мира, с точки зрения автора, чрезвычайно благоприятна для творческих свершений художника. Последнее является разгадкой заглавия стихотворения - творческая атмосфера заключает в себе «родную картину» в глазах поэта.

Итак, мы выявили главную особенность формирования системы мироздания в сборнике «Под северным небом» К. Бальмонта: её оригинальная структура обусловлена добровольной духовной миссией лирического героя. Он ставит перед собой цель постоянного творческого самосовершенствования и добивается её, преодолевая все возникающие препятствия. Этой важной сверхзадачей проникнуто всё творчество поэта.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ НАЧАЛА ХХІ В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ВОПРОСЫ МЕДИЕВИСТИКИ»)

Липилина Е. Ю.

Казанский государственный университет

В данной статье нами предпринята попытка провести краткий обзор основных работ, посвященных древнерусской агииграфии, которые были опубликованы на страницах журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы о направлениях, особенностях изучения житийных памятников в отечественной медиевистике начала ХХІ в.

Журналом «Древняя Русь» как одно из ведущих было провозглашено комплексное изучение памятников древнерусской литературы, в том числе и агииграфии. Об этом говорится в докладе главного редактора Е. Л. Коныаской [Коныаская, 2002], который можно считать программным. Раз в два года проводится международная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси», итоговые материалы которой (тезисы и доклады) публикуются на страницах журнала.

Основы данного подхода были заложены в работах В. В. Кускова, который предложил оригинальную методологию изучения феномена древнерусской святости. Он считал необходимым рассматривать агииграфический материал на широком фоне народного восприятия и почитания святого.

В начале ХХІ в. в медиевистике продолжают развиваться основные направления изучения древнерусской агииграфии, заложенные в трудах как дореволюционных, так и советских ученых. Однако в свете нового методологического принципа - комплексного подхода - они претерпевают значимые модификации.

Важным аспектом изучения житийной литературы становится выстраивание истории складывания и распространения культа святого. А. Г. Мельник, сделав вывод о времени местной канонизации ростовского епископа Игнатия, определил своеобразие его почитания в начальный период культа [Мельник, 2003].

Не менее важной задачей является и определение взаимоотношений между текстами. А. М. Введенский, сравнив летописное и проложное повествования о варягах-мучениках, убедился в первичности летописного произведения [Введенский, 2008].

Развивая идеи академической и советской медиевистики, а также традиции В. В. Кускова, О. Б. Хабарова проследила различные воплощения образа Юлиании Лазаревской в литературе второй половины ХІХ в. [Хабарова, 2006]. Идея «спасения в миру» оказалась привлекательной для таких авторов как А. Н. Островский, Е. С. Некрасова и Л. Н. Толстой. Проведенный Хабаровой анализ подтвердил тот факт, что во второй половине ХІХ в. русская литература обращается к древнерусской как к важнейшему источнику в поисках нравственного возрождения человека.

На новую ступень выходит разработка проблемы взаимодействия литературы и искусства, продолжающая традиции Ф. И. Буслаева и культурно-исторической школы. А. Г. Мельник использовал комплексный подход, анализируя надгробную икону ростовского святого царевича Петра в житии [Мельник, 2007]. В выводах, к которым пришел исследователь, постулируется недостаточность применения для адекватного понимания иконы столь распространенного сравнения ее с житийным текстом.

Наибольшее количество статей, опубликованных в журнале «Древняя Русь», посвящено текстологическим исследованиям, без которых невозможно глубокое изучение поэтики и литературной истории древнерусских произведений. Е. Л. Конявская в своей статье, посвященной начальным этапам формирования «Киево-Печерского патерика», показала, что вопреки сложившемуся представлению Арсеньевская редакция является древнейшей из дошедших до нас [Конявская, 2006]. А. Л. Лифшиц проследил отдельные этапы создания и бытования до настоящего времени не изученного «Жития преподобного Иродиона Илоезерского» [Лифшиц, 2004].

По-прежнему актуальным является изучение поэтики древнерусской литературы. Н. Н. Бедина проследила литературную историю древнерусской книжной традиции (XII-XVI в.), посвященной княгине Ольге, а также исследовала образ святой с точки зрения отражения в нем богородичных мотивов [Бедина, 2007].

Как известно, в советской медиевистике получило широкое распространение исследование писательской манеры Епифания Премудрого. В начале XXI в. научный интерес сдвигается в сторону выявления особенностей авторского самосознания Епифания, чему посвящена статья Е. Л. Конявской [Конявская, 2000]. Проведенный анализ конкретных житий позволил ученому выявить важную черту творческой манеры агиографа - наличие эстетических целей, и шире - эстетического сознания.

Древнерусские жития по-прежнему продолжают рассматриваться как исторический источник, однако с иных позиций, нежели в советское время. Их данные используются не столько для выстраивания «событийной» истории, сколько для истории, антропологически ориентированной, - для понимания людей Древней Руси. Так, Э. А. Гордиенко, анализируя образы Варлаама Хутынского и его современника архиепископа Антония, делает важный вывод о том, что хотя выстраивание событий их жизни в историческом времени и позволяет восстановить подлинную хронологию, однако оставив события на местах, определенных их участниками, ученый получает возможность раскрыть духовную жизнь святых и их биографов [Гордиенко, 2004].

Выделяя основные направления исследования древнерусской агиографии в начале XXI столетия, нельзя не отметить складывающуюся тенденцию к обобщению и систематизации накопленного научного материала. В уже упоминаемом нами докладе Е. Л. Конявской [Конявская, 2002] были определены перспективы изучения литературы Древней Руси, выявлены наиболее проблемные вопросы и «лакуны» в медиевистике. При этом агиография была признана той областью, в отношении которой применение комплексного подхода наиболее плодотворно.

В результате проведенного краткого обзора исследований по древнерусской агиографии, опубликованных на страницах журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», мы можем сделать следующие выводы. Ученые начала XXI в. продолжают традиции академического и советского литературоведения.

По-прежнему одним из ведущих направлений остается текстологический анализ житийных памятников. Однако заявленный в качестве ведущего комплексный подход, намеченный в работах В. В. Кускова, предполагает изучение агиографического материала на широком фоне народного восприятия и почитания святого, что определяет использование разнообразных источников. Тем самым уменьшается вероятность односторонних выводов, создаются предпосылки для более глубоких обобщений, а также выявления своеобразия русской ментальности.

В области рассмотрения отдельных житийных текстов научные интересы смещаются в сторону малоизученных памятников, которые ранее были незаслуженно обойдены вниманием ученых. В медиевистике рубежа XX-XXI вв. (как и в литературоведении в целом) отмечаются тенденции к подведению итогов, систематизации накопленного материала, а также определению наиболее проблемных областей и перспектив изучения.

Большое количество опубликованных на страницах журнала статей, посвященных памятникам древнерусской агиографии, позволяет сделать вывод о том, что житийная литература стала полноценным объектом исследования, а комплексный подход способствует ее более глубокому и многоаспектному изучению.

Список использованной литературы

1. **Бедина Н. Н.** Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции (XII-XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4. С. 8-12.
2. **Введенский А. М.** Житие варягов-мучеников: летопись и пролог // Там же. 2008. № 3. С. 13-14.
3. **Гордиенко Э. А.** Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в жизни и мистериях // Там же. 2004. № 2. С. 18-23.
4. **Конявская Е. Л.** Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // Там же. 2006. № 1. С. 32-45.
5. **Конявская Е. Л.** К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // Там же. 2000. № 1. С. 70-85.
6. **Конявская Е. Л.** Комплексный подход и основные направления в изучении древнерусской литературы // Там же. 2002. № 1. С. 18-21.
7. **Лифшиц А. Л.** Преподобный Иродион Илоезерский чудотворец: забытый святой, неизученное житие // Там же.

2004. № 4. С. 129-132.

8. Мельник А. Г. Защитник Ростова святой Игнатий // Там же. 2003. № 4. С. 44-45.

9. Мельник А. Г. Надгробная икона ростовского святого Петра царевича в житии конца XVII в. // Там же. 2007. № 1. С. 104-115.

10. Хабарова О. Б. Образ святой мирянки Юлиании Лазаревской в литературе второй половины XIX века // Там же. 2006. № 4. С. 116-122.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРСУАЗИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В ТЕСТАХ СМИ

Медникова Ю. И.

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

Газетный текст, как и всякий другой текст, принято рассматривать как конкретный акт коммуникации, однако, его главной особенностью является то, что конечная цель его - не только сообщение фактуальной информации, но и оказание максимального воздействия на читателя, источник которого предусматривается в самом тексте. Из всех видов речевых актов для нас практическую ценность представляет именно акт воздействия на читателя определенной социальной группы, то есть одна из форм социального взаимодействия. При этом авторы и читатели текстов французских СМИ, на материале которых мы проводим свой анализ, представляют для нас интерес не как отдельные индивиды, а как представители определенных социальных групп.

При порождении и восприятии текстов газетных сообщений два основных антропоцентра - отправитель и получатель информации или адресат и адресант не могут общаться напрямую, поэтому, достижение заранее поставленной автором коммуникативно-прагматической цели не может им контролироваться, а существует в его сознании только гипотетически. При этом автор должен использовать весь имеющийся в его распоряжении арсенал языковых средств, способных воздействовать в том числе и на эмоциональную сферу восприятия читателя, поскольку известно, что максимальное воздействие достигается не на интеллектуальном, а на эмоциональном уровне восприятия, а прямое воздействие иногда может вызвать сопротивление.

Мотивы социально-психологической деятельности человека, регулирующие речевой акт, представленный конкретным газетным текстом, могут не совпадать с действительностью, а отражать субъективную позицию автора, представителя конкретной социальной группы. На условия реальной ситуации, в которой действуют адресат и адресант, влияют многие факторы внешнего характера. Таким образом, во главу угла следует ставить учет именно особенностей общественного сознания той социальной группы населения, на которую ориентирована газета, а также тот факт, что конечная цель журналиста - не просто передача информации, а оказание воздействия на читателя как совокупного социального субъекта.

Как признается в современных исследованиях, говоря о воздействии и связанных с ним коммуникативных эффектах, то есть об изменении отношений, взглядов, оценок и т.д., необходимо учитывать, как соотносятся рациональная и эмоционально-субъективная стороны в рече-коммуникативном процессе воздействия одного субъекта на другого [Чернявская, 2006]. Как известно, наиболее сильное воздействие можно оказать не на интеллектуальном, а на эмоциональном уровне восприятия, при этом субъект речевого воздействия должен апеллировать к чувствам и эмоциям объекта. Характер тактики воздействия обуславливает выбор способа его оказания и передачи информации.

В современных исследованиях при описании характера и тактики речевого воздействия используется, в частности, термин «персуазивность», под которой понимается воздействие автора сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или не совершению им определенных действий. При этом подразумевается, что потенциальной воздействующей силой обладают все риторические фигуры, тропы, средства образности [Там же]. Можно говорить о том, что само употребление наиболее эффективных с точки зрения автора языковых средств является персуазивным и способствует реализации заранее поставленной им коммуникативно-прагматической цели.

Восприятие и интерпретация событий реальной действительности происходит в рамках социальных, культурных и национальных контекстов. Обработка дискурса - не просто когнитивное, но в то же время и социальное событие. Социальные характеристики дискурса взаимодействуют с когнитивными [Дейк Т. Ван, Кинч, 1988]. Одни и те же языковые средства могут употребляться с учетом социальных норм, ценностей, установок и мировоззрения, что еще раз говорит об общественной природе коммуникации. Таким образом, порождение речи адресантом и восприятие, понимание и интерпретация речи адресатом представляется как социально-значимая деятельность.

Среди обширного арсенала персуазивных языковых средств, использующихся авторами для реализации своей коммуникативно-прагматической цели, следует отметить риторические вопросы, которые способны возбудить интерес читателя статьи к предмету сообщения, установить его сопричастность и сформировать отношение к описываемым событиям. Предполагается, что такие вопросы нуждаются в ответе, поэтому адресат активизируется и вовлекается в игру, навязываемую ему адресантом. Риторические вопросы служат экспрессивным средством активизации адресата, выделяя в тексте наиболее значимые его смысловые компоненты [Чернявская, 2006].

В качестве примеров интересным предполагается рассмотреть употребление риторических вопросов ав-